

Ночь тянулась медленно и лениво. Тени от деревьев, росших возле общежития, кривыми пальцами заползали в пятьсот сорок восьмую комнату. Стоило ветру подуть, как они оживали, принимая очертания призраков, и под их монотонный, глухой шелест здание постепенно погружалось в сон.

Вань Цзиньцянь без лишних церемоний потянул Чжао Хаочэна за край брюк. Ему во что бы то ни стало нужно было взглянуть на дневные ушибы. Конечно, умом он понимал: откуда там взяться серьёзным увечьям? Но дурацкое «сердце не на месте» не давало покоя. Уж слишком сильно он боялся того финала, который им обоим уготован.

Одно дело — красиво рассуждать о мужестве жить, и совсем другое — когда ты сам, прекрасно зная свой паршивый конец, послушно плывёшь навстречу бездне. Это уже не героизм, а чистой воды мазохизм.

Система просто решила сделать из Вань Цзиньцяня «героя своего времени». Спрашивать его согласия, разумеется, никто и не подумал.

— Ну ты и... — Цзиньцянь аж замялся на полуслове, качая головой. — Актёр без погорелого театра. Решил на жалость надавить, а, Чжао Житянь?

Чжао Хаочэн дёрнулся и попытался натянуть штанину обратно, но Цзиньцянь бесцеремонно шлёпнул его по руке и снова потянул ткань вниз.

Взгляду открылось багрово-синее месиво. Эти налитые тёмной кровью полосы походили на уродливые отсветы багрового заката. Больно смотреть.

Вань Цзиньцянь испуганно сглотнул. «Да ну нет, не может быть... Неужели это дело рук этого пушечного мяса?» Он поспешно тряхнул головой, отгоняя жуткую мысль. Ну, пакостил по мелочи, кровь сворачивал — это ладно. Но сотворить такое скотство? Вряд ли. Так, по крайней мере, было спокойнее думать.

Тут он внезапно вспомнил прошлое главного героя. В романе его предысторию упомянули лишь вскользь, парой дежурных абзацев, но здесь-то всё происходило взаправду.

Отец Чжао Хаочэна беспробудно пил, а точнее — спускал всё до копейки в подпольных притонах. Обычный конченный лудоман. Из-за этого мать подала на развод, а сам мальчик остался на попечении этого ублюдка.

Разумеется, отец был приёмным, но сам Чжао Хаочэн об этом пока и не догадывался. Откуда ему знать, какие крутые шишки его настоящие родители?

Ну и на что способен запойный игрок, потерявший человеческий облик? Если описывать это приличными словами — полная дикость и садизм. А если говорить прямо — чистой воды

зверство.

Цзиньцянь заставил себя замолчать. В первоисточнике подобных физиологических деталей не приводилось — автор всё-таки писал развлекательное чтиво, а не криминальную хронику о домашнем насилии.

Шрамы на спине и бёдрах парня переплетались уродливыми багровыми жгутами, похожими на клубок склизких червей, вгрызающихся в плоть. Судя по наглухо закрытому лицу Хаочэна, об этих побоях в школе никто не знал.

«У каждого свои скелеты в шкафу», — вздохнул про себя Цзиньцянь. Как-никак, сострадание ему было не чуждо. Раз уж эта тайна случайно открылась ему, придётся её сохранить. Без лишних расспросов.

Общий секрет... Словно они оказались в одной лодке. Хотя какая, к чёрту, лодка? Корабль главного героя — это не дырявое корыто, а бронированный авианосец с ядерными ракетами на борту. И лучше быть членом его экипажа, чем мишенью на радаре.

Цзиньцянь отвернулся, тихонько насвистывая какую-то глупую мелодию, чтобы скрыть ураган мыслей в голове. Затем он выжал на пальцы порцию мази и с самым будничным видом принялся втирать её в пораненную кожу.

— Терпи, казак, — негромко пробормотал он. — Сейчас пощиплет малость.

Хаочэн явно не ожидал такой заботы. Он неловко повёл плечами, пытаясь отстраниться.

— Не... не надо, — выдавил он из себя, словно подбирая самое нейтральное слово. — Я сам. Не нужно.

— Чего это «не нужно»? — фыркнул Цзиньцянь и с нажимом провёл пальцами по ссадине. Хаочэн резко втянул сквозь зубы воздух. — Ой, прости! Рука сорвалась. Я не нарочно.

Покончив с ногами, Цзиньцянь потянулся к подолу его футболки. Под дешёвым трикотажем скрывалось на удивление поджарое, жилистое тело с рельефными мышцами.

Но стоило ему задрать ткань повыше, как он прыснул со смеху. Тут же осёкся и поспешно замахал руками:

— Честно, я не хотел! Извини!

Прямо на груди красовалась кривая, наспех набитая татуировка в виде черепахи. В неверном свете ночника этот шедевр изобразительного искусства словно издевательски махал

Цзиньцяню лапой.

— И какой умелец это сотворил? — прыснул Цзиньцянь. — Криворукий ужас.

У нормальных черепах вообще-то четыре лапы. Художник-самоучка умудрился пририсовать пятую конечность. Лишь приглядевшись, Цзиньцянь понял, что это уродливый закрученный хвост.

Стоило фразе сорваться с губ, как он наткнулся на ледяной, полный глухой обиды взгляд Хаочэна. По спине Цзиньцяня пробежал холодок. «Блядь... Только не говорите, что он сам себе это наколот».

Хаочэн молча отвернулся, натянул футболку и сухо выдавил:

— Спасибо.

После чего забрался на свою кровать, даже не взглянув на соседа. Цзиньцянь остался стоять посреди комнаты с баночкой мази в руках и запоздалым раскаянием в душе.

Боди-арт, говорите?

Ладно бы дракон или тигр, но набить будущему грозному тирану черепаху на груди?! «Ну и мразь же ты был, пушечное мясо, — мысленно взвыл парень. — Оставил после себя такую свинью, а мне теперь расхлёбывать!»

Цзиньцянь порывался предложить свести это безобразие лазером в нормальном салоне, но вовремя прикусил язык. Настоящие мужики за свои поступки отвечают. К тому же, если он сейчас начнёт заискивать, это будет выглядеть ещё более подозрительно.

Кое-как успокоив совесть, он выключил свет и, глядя на слабое мерцание уличного фонаря за окном, провалился в сон.

Чжао Хаочэн долго ворочался, прислушиваясь к темноте. Был ли этот день особенным? Вряд ли кто-то, кроме него, стал бы придавать ему значение. Постепенно места, где Цзиньцянь бережно растёр мазь, начало приятно припекать. Лекарство работало.

В груди защемило — странное, непривычное чувство, будто внутри перевернули банку со специями, и теперь там смешались горечь, соль и неожиданная сладость.

Убаюканный лёгким зудом заживающих ссадин, Хаочэн натянул одеяло до подбородка и наконец уснул.

Как гласит народная мудрость: «Готовь сани летом, а день начинай с утра». Только вот для обычного старшекласника утро добрым не бывает по определению.

Подъём в половине шестого утра — суровая реальность китайской школы. Проснёшься в такую рань — весь день будешь ходить варёным овощем. Ради чего Цзиньцянь в прошлой жизни столько лет грыз гранит науки? Да только ради того, чтобы наконец-то выспаться!

Но безжалостный будильник разразился бодрой трелью прямо над ухом.

Цзиньцянь натянул одеяло на голову, пытаясь продлить блаженные минуты забытья.

— Сяо Чэн, прикрой меня... Скажи, что я помер, — простонал он из-под подушки.

— Классная руководительница предупредила: за освобождением топаешь сам, — донёсся из ванной приглушённый голос Хаочэна, сопровождаемый шуршанием зубной щётки.

— Что за бред? — Цзиньцянь резко сел на кровати. Это ещё что за «Уловка-22» местного разлива? Если ты можешь сам доползти до учительской и попросить отгул, значит, не так уж ты и болен. А если помираешь — то физически прийти не сможешь.

Математическая логика рыдала в углу от таких абсурдных правил.

Впрочем, классная руководительница одиннадцатого «Б» — Пэн Миньвэй — шутить не любила. Сущий зверь в юбке.

Кое-как подняться с постели помог резкий аромат мази с камелией. Желание жить вернули сладкие паровые булочки с тростниковым сахаром и густая рисовая каша в школьной столовой. Ну и, конечно, молодость — в семнадцать лет ресурсы организма восстанавливаются по щелчку пальцев.

Цзиньцянь влетел в учебный корпус за минуту до звонка. Новенькие кроссовки глухо стучали по кафелю, походка была лёгкой и пружинящей. Всё-таки юность — великая вещь. На таком теле даже мешковатая школьная форма сидела отлично. Пробегая мимо ростового зеркала в вестибюле, он не удержался и показал своему отражению победный жест «виктори».

— Вань Цзиньцянь! — раздался резкий, как выстрел, женский голос.

Юноша обернулся. Перед ним стояла строгая дама в безупречном деловом костюме с непроницаемым, точно высеченным из камня лицом.

Завуч по воспитательной работе — госпожа Сунь Жолань.

На самом деле завучей в параллели было двое — мужчина и женщина. По задумке руководства, такой тандем должен был работать слаженно и гармонично, но на деле всё свелось к классическому матриархату. Энергичная завуч Сунь начисто затмила своего коллегу, мягкотелого заведующего Чжоу.

Не успел Цзиньцянь выдать дежурное приветствие, как завуч Сунь сделала стремительный выпад и запустила пятерню прямо в его шевелюру.

— Волосы длиннее пальцев! — грозно отчеканила она, не терпящим возражений тоном. — Чтобы завтра же всё состриг. Я лично проверю.

«Ничего себе начало дня», — уныло подумал парень.

Если стричься так, чтобы пряди между пальцами не торчали, проще сразу налысо побриться. Нашу Третью среднюю школу Жунчэна давно пора переименовать в Жунчэнский монастырь!

Впрочем, доля истины в словах завуча была. Волосы у Цзиньцяня действительно отросли, а густая челка лезла прямо в глаза. Сплошное пижонство.

— Понял, учитель Сунь. Обязательно подстригусь, — покладисто согласился он, решив не лезть на рожон.

В народе говорят, что повинную голову меч не сечёт, но на суровых педагогов это правило не распространялось. Миротворческая улыбка Цзиньцяня лишь усугубила положение: завуч сочла её признаком легкомыслия и неуважения к уставу школы.

Нахмурившись ещё сильнее, она пригрозила:

— Если завтра придёшь лохматым, я сама тебя оболваню.

Какая непреклонность.

Завуч Сунь лёгким движением руки превратилась в стилиста Тони Сунь.

— Есть, мэм! — Цзиньцянь проводил её взглядом. Педагогика — жестокая штука. Она способна превратить некогда нежную девушку в грозного робота-карателя, вынужденного изо дня в день сражаться со школьными раздолбаями.

«Что ж, воюй, грозный робот. А я пока побуду тихим деревенским парнем».

В класс он проскользнул со звонком. На утренней самоподготовке по литературе половина одиннадцатого класса уже мирно похрапывала. Цзиньцзянь изо всех сил боролся со сном, зевая так, что челюсть сводило. Несмотря на наползающие сумерки в глазах и синяки под веками, он честно пытался вникать в тему урока.

Это был его последний рубеж обороны. Мелодичный голосок учительницы усыплял не хуже колыбельной. Она вдохновенно вещала о высоких чувствах, воспевая старинную поэзию о луне, цветах и вине. По-хорошему, в такую погоду следовало бы гулять в парке и декламировать стихи под бокал хорошего сухого, а не париться в душном, забитом до отказа классе.

Спасаясь от дрёмы, он сунул руку под парту и нащупал что-то мягкое и тёплое. Что за чертовщина?

Вытащив находку на свет, парень обомлел: в ящике лежала целая гора свежих, дышащих паром пирожков с самыми разными начинками.

Настоящая пирожковая лавка на дому.

Присмотревшись, он заметил, что на каждом шуршащем пакетике наклеен разноцветный стикер.

Ровные строчки, выведенные аккуратным девичьим почерком, пестрели пожеланиями здоровья. Видимо, вчерашний инцидент на площадке, когда он сначала эффектно разыграл мяч, а потом получил им по кумполу, пробудил в сердобольных одноклассниках волну материнской заботы.

Романтический завтрак от тайных воздыхательниц.

С непривычки у него закружилась голова. В прошлой жизни Цзиньцзянь никогда не пользовался популярностью у девчонок, а тут вдруг оказался под софитами всеобщего внимания. Столь пристальный интерес со всех сторон заставлял его нервничать.

Бремя славы легло на плечи тяжким грузом.

— Да Цао, — шепнул он соседу, — у тебя зеркальца не найдётся? Дай на секунду.

Ему срочно нужно было оценить масштабы собственной неотразимости. Соответствует ли он статусу школьного мачо?

Цао Гэнвэй посмотрел на него со смесью удивления и жалости:

— Брат Вань, ты чего? У тебя же всегда своё при себе.

— Да? — Цзиньцзянь нашупал что-то в кармане брюк. И точно — пальцы сомкнулись на маленьком плоском диске. Настоящий нарцисс-пушечное мясо обязан следить за своей причёской двадцать четыре на семь.

Ядовито-розовый пластиковый корпус он бы ещё пережил. Но рекламная надпись на обороте: «Лечение бесплодия в Пятой больнице — подари себе радость материнства!» заставила его впасть в ступор. Это ещё откуда у школьника?

Обычная дешёвая раздатка из тех, что всучивают промоутеры у метро. И этот хлам парень таскал с собой в качестве карманного зеркала? Ну и позорище.

Недолго думая, Цзиньцзянь красивым трёхочковым броском отправил розовый кошмар прямо в мусорное ведро в углу класса.

Прощай, гроза девичьих сердец. Репутации это не поможет.

Пластиковый кругляк со звонким стуком приземлился точно на пустую жестяную банку из-под газировки. В сонной тишине класса этот грохот прозвучал подобно выстрелу стартового пистолета.

Сон у всех разом как рукой сняло. Десятки одноклассников синхронно обернулись в сторону возмутителя спокойствия.

— Вань Цзиньцзянь, — тихо позвала учительница литературы. Сегодня она была в изящном, сшитом на заказ ципао, которое подчёркивало её хрупкую фигуру и благородную осанку.

Впрочем, все словесницы грешили подобной тягой к классической эстетике.

Учительница мягко, но выразительно вздохнула и указала тонким пальцем на дверь. Жест не требовал перевода.

Помолчав для приличия пару секунд, Цзиньцзянь смиренно поднялся со своего места. Смерть героя! С одной стороны, дремать на глазах у всего класса было неловко, а тут сама судьба даровала ему легальный повод покинуть эту обитель скорби.

Под провожающими взглядами одноклассников он с гордо поднятой головой вышел в коридор.

Стоило двери за ним закрыться, как в голове раздался знакомый звук.

[Поздравляем! Характер персонажа успешно раскрыт.]

И следом — ласкающий слух механический девичий голосок: «Поступил перевод на Alipay: одна тысяча юаней».

Сонливость мгновенно испарилась. Цзиньцзянь аж запрыгал на месте от радости. Кто бы мог подумать, что обычный бросок мусора принесёт ему штуку юаней! Ещё одна монетка в копилку его будущего богатства.

Ковать железо надо, пока горячо. Раз уж система поощряет его бунтарские выходки, глупо останавливаться на достигнутом. Он воровато огляделся по сторонам.

Вдоль длинного коридора тут и там маячили такие же изгнанники. Кто-то судорожно списывал домашку с коленки, кто-то меланхолично подпирал стену, а кто-то спал прямо стоя, пуская слюни.

Поняв, что дежурных учителей поблизости нет, Цзиньцзянь лихо развернулся на каблуках и уверенным шагом направился напрямик к общежитию. Хватит с него школьной романтики на сегодня, пора продолжить прерванное свидание с подушкой.

«Поступил перевод на Alipay: две тысячи юаней».

Кайф.

<http://bllate.org/book/20139/2131139>